

УДК [94(476)-058.224:821.161.3] “18”

**ЭДУАРД ТОМАШ МАССАЛЬСКИЙ О СТРАТЕГИЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА**

*канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируется социальный роман писателя и публициста, уроженца Минщины, Э.Т. Массальского (1799–1879) «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831–1833). Рассматриваются стратегии эксплуатации крепостного крестьянства Беларуси первой половины XIX столетия (произвольное увеличение объёмов работ на барицине, использование крестьянского инвентаря и скота при работах на барицине, изъятие излишка продуктов, оплата за труд спиртным, принуждение к использованию платных услуг господских мельниц, завышение стоимости услуг, принуждение к раннему вступлению в брак, экономия на строительстве крестьянского жилья, ограничение мобильности крестьян). Выявляются идеологические предпосылки (идеология сарматизма) формирования характерных черт польской системы крепостного хозяйствования на белорусских землях.

Введение. Система эксплуатации крепостного крестьянства в Российской империи являлась одним из приоритетных объектов исследования в отечественной историографии XX века, которая рассматривала общественные процессы в ракурсе антагонистической борьбы классовых интересов. Насколько подобный подход модернизирует события прошлого, не «переводит» ли он историческую фабулу на язык конфронтации? Можно ли говорить об осознанных, приведённых в систему стратегиях эксплуатации крепостного крестьянства? Воспринималось ли социальное неравенство как несправедливость представителями привилегированного сословия?

Вышеизложенные вопросы будут обращены Эдуарду Томашу Массальскому (Фома Ануфриевич Массальский; 1799–1879), польскоязычному писателю и публицисту, уроженцу Минщины, автору социального романа «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy»; Вильно – С-Петербург, 1831–1833 [1]; в русском переводе: «Пан Подстолич, уездный роман»; С-Петербург, 1832–1833 [2]).

Основная часть. Многие польские популярные авторы XIX – начала XX столетия (например, беллетрист И. Крашевский [3], исследователи З. Глогер [4] и Е. Тышкевич [5]) в своих текстах создавали образ органичного симбиоза между польским паном и крепостным, относя, однако, его существование к стародавним «золотым временам». Роман Э.Т. Массальского «Пан Подстолич», прежде всего его первая часть «Крестьянин» [6], в своём критическом отношении к крепостной действительности кардинально расходится с традиционной консервативной апологетикой патриархальной бесконфликтности. Мнение Э.Т. Массальского представляет ценность именно как реакция современника, который даёт актуальную моральную оценку крепостным отношениям. Когда современный французский историк Даниэль Бовуа [7], сравнивая положение рабов на североамериканских плантациях с жизнью крепостных польского пана, выносит вердикт не в пользу последних, это может восприниматься как модернизационный, без учёта социально-культурного контекста, подход к оценкам исторических событий. Совершенно иное дело, когда Э.Т. Массальский пишет о неуважении человеческого достоинства и жестокости шляхты в отношении крепостных, отождествляя жизнь белорусского крестьянина и участь заморского чернокожего раба [6, с. 108]. Таким образом, исторические параллели рабства и крепостничества были очевидны и для непосредственных наблюдателей крепостной действительности, представителей самой польской интеллигенции.

Положение в крепостной деревне рассматривалось писателем как несомненный образец вырождения и деградации [6, с. 107–108]. Наибольшая нищета и запустение были характерны, по мнению Э.Т. Массальского, для крестьянских хозяйств Виленской, Гродненской, Минской губерний и «всей Беларуси» – в зоне польской системы хозяйствования. Причиной высокой смертности среди крепостного крестьянства Э.Т. Массальский считал «бесчеловечное угнетение», следствием которого были изнурительный труд, плохое питание, плохая одежда (дети не имели обуви и зимней одежды), невозможность женщин посвящать себя уходу за маленькими детьми, сырые избы, пьянство [6, с. 105–106]. Местные помещики заставляли при постройке жилья для крестьян экономить, не используя каменного фундамента и устраивая земляной пол, что ухудшало гигиенические характеристики помещения. Попытки некоторых помещиков строить для крестьян дома с дымоходами, но без деревянных полов и каменного фундамента, только ухудшали условия жизни в таком жилище в сравнении с курными избами и дискредитировали саму идею устройства дымоходов в крестьянской среде [6, с. 101]. Крестьянин, по мнению Э.Т. Массальского, вырождался, он описывает распространённый среди белорусов физический тип: «малорослый, малосильный, несообразительный, равнодушный и безынициативный», хотя, как указывает писатель,

предки белорусского крестьянина отличались высоким ростом и силой [6, с. 107]. Массальский отмечал черты вырождения и в отношении шляхты. Однако их причины были иные, нежели в крестьянской среде, а именно: привычка к комфорту, изнеженное воспитание детей, упадок нравов, бездеятельная жизнь, отвращение от военной службы [6, с. 109].

Причины несчастий местного крестьянства Э.Т. Массальский видит не только в самом факте существования крепостного права. По наблюдению писателя, у русских и польских помещиков была заметна разница в физическом и моральном состоянии крепостных крестьян [6, с. 112]. Он указывал на коренное отличие в отношении польских и российских помещиков к крепостному крестьянству. У польского пана к белорусскому крестьянину отсутствовало чувство национальной солидарности, которое прослеживается в патриархальных взаимоотношениях с православным крестьянством русского помещичьего дворянства. По мнению Э.Т. Массальского, «кротость в отношении к крестьянам» не является распространённой добродетелью в среде польского дворянства [6, с. 3–4]. Истоки особо жестокого отношения шляхты к крестьянству Э.Т. Массальский видит в сарматской теории, которая выводит происхождение привилегированного сословия от древних воинственных сарматов, покоривших якобы предков современных крестьян [6, с. 114–115]. Сарматская идеология обосновывала факт владения шляхтой крестьянами правом народа-победителя и рассматривала крестьянство как этнически чуждое население. В данном аспекте параллели с порядками на далёких заморских плантациях и отношениями между завоевателями-колонизаторами и рабами-туземцами, которые установились в Новом Свете после его «открытия» европейцами, вполне оправданны. Белорусская, шире – восточно-славянская, территория бывшего Великого Княжества Литовского рассматривалась в контексте сарматской идеологии как пространство колонизации. Данная идеологическая установка усугублялась постепенным падением нравов в шляхетской среде, недостатком образования, различиями в конфессиональной принадлежности польских господ и большинства местного крестьянства [6, с. 3–4].

Одной из причин бедственного положения белорусского крестьянства признавалось пьянство. Авторы, ратующие за патриархальную натуральность крепостных отношений, склонны были обвинять в распространении пьянства корчмарей-евреев. Последние якобы доводят крестьянство обманом до нищеты, приучают к безделью, бесхозяйственности и разврату и вводят самих помещиков в убыток, так как последние вынуждены помогать крестьянам продуктами питания и зерном [6, с. 28]. Массальский обнаруживает более глубокие корни данной проблемы. Хотя помещики могли запрещать корчмарям разносить водку крестьянам по домам, но сама практика передачи помещиками корчем в аренду являлась пагубной. С арендаторами шинков крестьяне рассчитывались либо зерном и домашними животными, либо отработывали долги, например, на лесных работах [6, с. 13]. За вырубку леса часто купцы уплачивали не напрямую крестьянам, а их пану, который оплачивал труд последних по своему усмотрению, иногда – водкой. Аналогично могло происходить и в случае найма на сельскохозяйственные работы в соседние поместья [6, с. 36–37]. Так раскручивался маховик алкоголизации – чтобы отработать долг корчмаря крестьянин нанимался на работу и получал от пана как вознаграждение – водку.

Падение цен на хлеб в течение первой половины XIX века приводило к тому, что помещики стремились компенсировать убыток, прибегая к различным стратегиям, которые носили часто экстенсивный характер. Чтобы компенсировать потери, засеивались большие площади, что в итоге приводило к переизбытку продукта и дальнейшему падению его цены. Увеличение площадей посевов требовало больших объёмов участия крестьян в барских работах. Из-за тяжёлой барщины крестьянские посевы не убирались в срок, что приводило к значительным потерям урожая. На господских работах использовался также крестьянский скот. Вышеназванные причины приводили к оскудению крестьянского рациона. Нередко возникал дефицит соли на крестьянском столе, что также ухудшало качество питания. От недоедания и тяжёлой работы женщины не могли полноценно выкармливать грудных детей, которые были ослаблены и умирали в младенческом возрасте [6, с. 37–39].

Объёмы отработок барщины за господскую землю не учитывали количество рабочих рук в семье. Три трудовых дня (мужских и женских), работа на дороге, возка дров, молотьба, унавоживание полей, стражи, толоки, перевозка леса и многие другие работы, которые не входят в барщину, были не под силу малой семье. Крестьяне даже в праздники выполняли определённые работы для пана – собирали в лесу ягоды, хмель, грибы, орехи. Зимой выполнялись работы по обмолоту и перевозке хлеба, чесанию шерсти, трепанию льна, тканью полотна для двора [6, с. 42–44]. Объём барщины, по мнению Э.Т. Массальского, на землях польских помещиков был чрезвычайно завышен. Согласно его сведениям, день работы наёмного сельскохозяйственного работника оценивался в среднем в 15 копеек серебром, 20 десятин земли с постройками сдавали в аренду примерно за 1500 копеек серебром. Однако крестьянину пользование 20 десятинами обходилось в год с учётом барщины в 46802 копеек серебром [6, с. 120–121]. Традиционное бортничество становилось невыгодным занятием, так как помещики увеличивали объём взимаемой медовой дани до половины всего сбора [6, с. 60]. Общей проблемой являлось отсутствие у крестьян в

достаточном количестве упряжи и рабочего скота, из-за большой занятости на барщине крестьянские поля были плохо возделаны и не в срок засеяны [6, с. 107]. Помощь помещика своим крестьянам зерном в случае его недостатка действительно практиковалась, однако, как утверждает Э.Т. Массальский, она не была безвозмездной. Чаще выдавалась мякина, за которую крестьянин должен был отработать как за полноценное зерно [6, с. 13].

Как замечает писатель, польское дворянство привыкло забирать у крестьянина весь излишек, оставляя ему минимум на пропитание. Даже когда по примеру российских помещиков шляхта выпускала своих крестьян на оброк, смысл этого решения выхолащивался, так как устанавливалась такая величина оброка, что крестьяне не чувствовали улучшения своего положения. Идея того, что крестьянин должен получать вознаграждение за свой труд, позволявшее ему делать определённые накопления, была, по мнению Э.Т. Массальского, чужда польскому помещику. На землю, её плоды и на самого крестьянина польский помещик смотрел как на собственность. Максимально, что допускало общественное шляхетское мнение – это некоторое улучшение бытовых условий жизни крестьянина [6, с. 118–120].

Работа на барщине продолжалась практически без отдыха, чтобы максимально использовать труд крепостных. Отработка барщины часто проводилась на далёких от деревни фольварках, значительное время, которое паном не учитывалось, у крестьян терялось на дороге. Если крестьяне приходили на барщину, и случался дождь, их отправляли назад. В результате они теряли значительную часть дня, которая также не учитывалась в счёт барщины. Работать на себя крестьянин мог более или менее свободно только в ненастье, когда его труд не был востребован паном [6, с. 44].

Как считал Э.Т. Массальский, неправильно понимаемая бережливость приводила к тому, что помещики вместо того, чтобы использовать механические молотилки, полагались на крестьянский труд. Хотя применение механизации, по мнению писателя, высвободило бы время крестьян для более продуктивных занятий (например, ремеслом) в зимнее время [6, с. 125]. Бесплатный труд крепостных мало ценился помещиками. Когда не было полевых работ, крестьян могли занимать рутинными, часто бессмысленными занятиями. Как пример Э.Т. Массальский приводит связывание лука в венки, которым женщины-крестьянки могли заниматься у пана днями напролёт. Таким образом, бесплатный труд не стимулировал помещиков к поиску интенсивных путей развития своего хозяйства [6, с. 127–128].

Мобильность крестьян была ограничена. Крестьянин мог отлучаться из своей деревни в фольварк, на мельницу, близлежащую ярмарку один или два раза в год [6, с. 22]. Помещики иногда прибегали к переселению крестьянских семей из обжитых деревень на пустоши и вырубки. Окультуренная крестьянами территория деревни в таком случае отдавалась под фольварк [6, с. 34–35]. Чтобы увеличить прибыль, помещики отбирали жернова у крестьян, и последние вынуждены были молоть зерно за плату у арендаторов помещичьих мельниц [6, с. 18].

Помещики были заинтересованы в росте количества крепостного крестьянства. С этой целью существовала практика поощрения к вступлению в брак сельской молодёжи. Однако высокая детская смертность нивелировала итоги данной стратегии [6, с. 111]. Крепостники выдавали дворовых девушек и крестьянок по своему усмотрению. Помещики с неохотой отпускали крепостных замуж в чужие волости [6, с. 72]. Нежелание родителей отдавать дочь по велению господ могло трактоваться как бунт. «Бунтовщиков» принуждали к исправительным работам на голодном пайке, секли плетью и розгами, заковывали в колоды, отдавали в рекруты молодых мужчин [6, с. 79]. Расправа могла исходить не только от барина, но и барыни, которая обычно лично занималась вопросом выдачи крепостных крестьянок замуж [6, с. 81–82].

Атрибутом власти эконома была плеть, которую он, не раздумывая, применял против крестьян [6, с. 88]. За опоздание крепостных избивали, во время работ надсмотрщики плетью подгоняли работников, запрещались разговоры [6, с. 44–45]. Крестьянин стоял в самом низу сельской иерархии. Его эксплуатировал и обирал не только помещик на правах владельца, но и корчмарь, эконом, писарь, органист, дворовые люди [6, с. 45]. Не удивительно, пишет Э.Т. Массальский, что во время мародёрских вылазок французов во время войны 1812 года крестьяне в своём большинстве участвовали в грабежах имущества своих хозяев [6, с. 54]. Преданность крепостных и слуг была чрезвычайно редким качеством. Ещё большей редкостью, по свидетельству писателя, являлась доброжелательность слуг, в той же мере, как и чувство справедливости и забота господ о нуждах своих крепостных [6, с. 50].

Заключение. Из проведенного исследования видно, что Э.Т. Массальский в первой книге своего романа «Пан Подстолич» создаёт образ упадка хозяйственной жизни и быта белорусского крепостного крестьянства, рассматриваемого писателем как следствие деградации моральных основ польского дворянского общества. Лениность, отсутствие благоразумия, надменность, тщеславие, недостаток средств и неумение их зарабатывать – таковы обобщённые характеристики крепостника-шляхтича, данные писателем на страницах этого романа.

Эдуард Томаш Массальский описывает основные стратегии эксплуатации крепостных, которые практиковались польскими землевладельцами (произвольное увеличение объёмов работ на барщине,

использование крестьянского инвентаря и скота при работах на барщине, изъятие излишка продуктов, оплата за труд водкой, принуждение к использованию платных услуг господских мельниц, завышение стоимости услуг, принуждение к раннему вступлению в брак, экономия на строительстве крестьянского жилья, ограничение мобильности крестьян). Их основополагающей характеристикой является экстенсивность. Трудовые, как и экологические, ресурсы края расходовались помещиками практически без создания условий их восстановления с целью получения максимальной прибыли в короткой перспективе. Морально дистанцироваться от плодов данной хозяйственной практики, которая истощала среду обитания и ставила на грань вырождения местное крестьянское население, помогала польским помещикам идеология сарматизма, внушающая местной шляхте комплекс завоевателей. Пытаясь найти аналог подобных практик элиты по отношению к людям труда, Э.Т. Массальский обращается к образу заморского раба на плантациях. Противопоставляя типичным крепостническим отношениям идеал просвещённого хозяйствования, писатель ссылается на литературные и реальные исторические прототипы: так, русский перевод романа писатель посвящает русскому филантропу Сергею Григорьевичу Строганову. Таким образом, роман Э.Т. Массальского «Пан Подстолич» проявляет как наличие сложившихся, опирающихся на расистскую по своей сути идеологию, стратегий эксплуатации крепостного крестьянства края местным польским дворянством, так и наличие в его среде просвещённого меньшинства, заявляющего публично о своём неприятии сложившейся системы эксплуатации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: w 5 częściach / E.T. Massalski. – Wilno–St. Petersburg, 1831–1833.
2. Массальский, Ф. Пан Подстолич: роман уездный: в 5 ч. / Ф. Массальский. – СПб., 1832–1833.
3. Kraszewski, J.I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J.I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J.K. Wilczyńskiego, 1860. – S. 136–139.
4. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – T. 2. – 1901. – S. 31.
5. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinkowskiego, 1847. – S. 197.
6. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: w 5 częściach. Część 1 / E.T. Massalski. – Wilno: W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – 143 s.
7. Beauvis, D. Demokracji szlacheckiej nie było: Rozmowa z Danielem Beauvois / D. Beauvis // gazeta.pl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.gazeta.pl/forum/w,639,35992493,35992493,_Drang_nach_Osten_po_polsku.html. – Дата доступа: 27.01.2006.

Поступила 04.01.2014

EDWARD MASSALSKY ABOUT OPERATING STRATEGY BELARUSSIAN SERFS

S. SHYDLOUSKI

Analyzes the social novel writer and journalist, born in Minsk Region, E.T. Massalsky (1799–1879) “Пан Подстолич” (“Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy”) (1831–1833). Operating strategies considered serfs Belarus first half of the nineteenth century (any increase in the volume of work on serfdom, the use of peasant stock and cattle when working on the corvee, the removal of excess products, pay for work of alcohol, compulsion to use paid services manorial mills, overstating the value of services, forcing to early marriage, saving on construction of peasant property, restriction of mobility of the peasants). Identified ideological premises (Sarmatian ideology) formation characteristics of the Polish economic system of serfdom in the Belarusian lands.